

О КОЛОНИЯХ *).

Въ настоящее время часто приходится слышать, что искусству недостаетъ лишь стила, чтобы пріобрѣсти все значеніе прежнихъ великихъ эпохъ художественнаго творчества; съ другой стороны, приходится часто встрѣчаться съ пожеланіями объединить и связать въ одно цѣлое отдѣльныя отрасли искусства. Оба эти стремленія выражаютъ ту-же потребность: жажду культуры. Но несмотря на наличность такихъ пожеланій, мнѣ неизвѣстны критическія изслѣдованія тѣхъ данныхъ, которыя необходимы для основанія новой культуры. Мы вѣчно будемъ вращаться въ сферѣ неопредѣленныхъ вождельній, пока не рѣшимъ этого вопроса о созиданіи единого, цѣльнаго стила. Пусть каждый назоветъ какія-нибудь средства и объяснитъ, на какихъ основаніяхъ онъ ихъ предлагаетъ. Иначе мы впередъ не двинемся.

Общество людей, городъ, народность тогда обладаютъ культурою, когда относительно всѣхъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ среди нихъ царитъ полная опредѣленность точки зрѣнія, и отдѣльная личность никогда въ ней не сомнѣвается и даже не напрягаетъ своего ума надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, смѣло довѣряя точности своихъ впечатлѣній. Главные жизненные вопросы суть тѣ, которые каждый человѣкъ вынужденъ себѣ задать и какъ-нибудь на нихъ отвѣтить, для того, чтобы достигнуть въ своемъ активномъ дѣланіи или пассивномъ недѣланіи хоть какихъ-нибудь результатовъ. Ему надо объяснить себѣ, какъ обстоитъ дѣло съ „судьбой“, съ „невѣдомыми силами“ и т. п. Съ какими изъ послѣднихъ можно бороться, а какимъ нужно подчиниться. Обо всемъ этомъ человѣкъ можетъ и не имѣть безусловно точныхъ и ясныхъ представлений; онъ долженъ лишь обладать увѣренностью, для того, чтобы дѣйствовать. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы тѣ разрѣшенія, которыя каждая данная эпоха даетъ проблемамъ человѣческой жизни, были

наглядно доказаны, а въ томъ, чтобы они были настоль категоричны и опредѣленны, чтобы служить регулятивомъ во всѣхъ моментахъ жизни. Если въ извѣстную эпоху и въ извѣстномъ народѣ всякій опредѣленно знаетъ, какъ ему вести себя въ горести или радости, при осуществленіи права или обязанности, и тотчасъ-же реагируетъ на все безъ всякихъ колебаній, тогда этотъ народъ и эта эпоха имѣютъ культуру. И наше горе именно въ томъ, что у насъ нѣтъ такой культуры.

Если каждый человѣкъ живетъ отъ случая до случая и при всякомъ новомъ событіи долженъ обращаться къ своей совѣсти, къ своему сознанію за совѣтомъ, онъ никогда не пріобрѣтетъ этого дара культуры. Его онъ получитъ только тогда, когда онъ наконецъ покончитъ со всѣми сомнѣніями и пріобрѣтетъ опытъ, для примѣненія его данныхъ въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Разумѣется, найдутся исключительныя натуры, жизнь которыхъ одарена крупными переживаніями, которыя съ юности влекутся къ истинѣ, которыя, заблуждаясь — поучаются, стремясь — освобождаются, люди, которымъ суждено въ концѣ пути дойти до познанія смысла ихъ бытія. Но развѣ возможно себѣ представить, чтобы въ какой-нибудь народности или семьѣ всякій былъ въ состояніи завоевать себѣ такой высокій идеалъ?

Пока люди живутъ отдѣльными племенами, обычай и примѣръ восполняютъ это необходимое требованіе. Патриархъ-отецъ дошелъ какимъ-нибудь образомъ до извѣстной житейской мудрости, которая ему нужна въ борьбѣ за существованіе. Выросшее подъ вліяніемъ ея молодое поколѣніе воспринимаетъ ея начала. Когда союзъ разрастается до того, что личное воздѣйствіе примѣромъ недостаточно, — являются сначала жрецъ, а затѣмъ и художникъ, оба какъ „служители культуры“ — одинъ при помощи страха, другой — чувства красоты, ввѣдряютъ въ толпу завѣты мудрецовъ. Все греческое искусство является въ сущности аппаратомъ для внушенія народу итоговъ опыта, вынесенныхъ выдающимися людьми изъ уроковъ удѣленной имъ судьбы. Если мы вникнемъ въ послѣднія изъ

*) Переведено изъ „Südwestdeutsche Rundschau“, 1901, № 6.

извѣстныхъ намъ яркихъ культуръ—эпоху возрожденія или XVIII в., то мы замѣтимъ, что культура народа покоится здѣсь на насиліи: тамъ насиліе какого-нибудь кондотьера, который свое личное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ навязываетъ мечемъ трепещущей толпѣ, здѣсь насиліе просвѣщеннаго деспота, который упраздняетъ свободную религію и искусство началами просвѣщеннаго абсолютизма. Что-же касается до нашего времени, то мы рѣшительно не имѣемъ средствъ навязать всѣмъ тѣ или другія начала жизни. Патріарховъ больше нѣтъ, семья зиждется на шаткихъ основаніяхъ; съ другой стороны, чувство внутренней свободы стало въ насъ столь упорнымъ, что мы не позволяемъ больше ни правительству, ни духовенству приказывать намъ что-нибудь въ сферѣ духовныхъ интересовъ. Одинъ только художникъ можетъ объединять и воодушевлять, и понятно, что на него всѣ смотрятъ съ упованіемъ и надеждами, но и онъ, какъ отдѣльная единица, въ состояніи лишь сдѣлать общедоступнымъ тотъ запасъ выработанныхъ его средою правилъ, на которыя онъ опирается, приступая къ работѣ, а никакъ не создать что-нибудь абсолютно новое и самостоятельное.

Мы идемъ въ разбродъ и всякій долженъ начинать съ азбуки. Исторія наукъ и искусствъ за послѣднія сто лѣтъ предлагаетъ намъ одно за другимъ все новыя рѣшенія запросовъ жизни безъ всякаго старанія о томъ, чтобы хоть одно изъ нихъ могло-бы примирить всѣ противорѣчія и сдѣлаться общепринятымъ.

Кто въ юности не ужасался массы обступившихъ его съ угрозами противорѣчивыхъ отвѣтовъ, кто не потерялъ лучшіе свои годы на то, чтобы въ исканіяхъ своихъ остановиться на чемъ-нибудь твердомъ и опредѣленномъ? Къ единству можно притти лишь при помощи соглашенія противорѣчій, а именно этой примиряющей согласительной силы у насъ и нѣтъ.

Зато за послѣднія 100 лѣтъ мы видимъ, что семья принимаетъ тѣ формы, изъ которыхъ въ послѣдствіи можетъ выработаться эта сила. Мы присутствуемъ при возникновеніи

семей, основанныхъ не на кровномъ, а на духовномъ родствѣ, на сродствѣ душъ.

Лучшею изъ такихъ семей пока былъ кружокъ, собравшійся вокругъ Гёте. Здѣсь произошла первая попытка свободно объединить людей. Мы видѣли въ это-же время подобныя группы въ Вѣнѣ, позднѣе въ Берлинѣ; затѣмъ еще разъ при Листѣ въ Веймарѣ; при маленькихъ дворахъ часто было замѣтно стремленіе слѣдовать этому примѣру; совсѣмъ недавно Лихтваркъ въ Гамбургѣ и Вѣнскій Secession переработали этотъ принципъ по своему. Такія группы всегда возникаютъ какъ случайные союзы людей, имѣющихъ какую-нибудь общую цѣль. Изъ этого однороднаго направленія дѣятельности возникаетъ при постоянномъ общеніи симпатія. Вслѣдствіе этой симпатіи, такое случайное соединеніе выливается въ опредѣленную форму: кто-нибудь выступаетъ во главѣ, другіе примыкаютъ, распредѣляются, все слагается, становится организмомъ—непроизвольно простая группа людей развилась до органическаго Polis съ властью, съ неписанными, но твердыми законами, съ общей волей, которая гораздо сильнѣе общей суммы энергій отдѣльныхъ лицъ, и невольно каждый отдѣльный членъ союза заимствуетъ у цѣлаго руководящія опредѣленія для всего круга своихъ отношеній. Удивительно въ этихъ группахъ то, что, возникши подчасъ для одной какой-нибудь узко опредѣленной цѣли, онѣ все-таки проявляютъ заложенный въ нихъ регулирующій принципъ, единую душу, паеосъ, опредѣляющіе точно и ясно форму сношеній членовъ группы съ внѣшнимъ міромъ.

Люди сошлись, положимъ, ради преслѣдованія какихъ-нибудь техническихъ задачъ въ живописи. Пребывая вмѣстѣ, они по челоуѣчеству становятся ближе. Изъ этого возникаетъ для одного авторитетъ, для другихъ послушаніе, для третьихъ вдохновеніе—словомъ, всесторонне обнаруживается гамма челоуѣческихъ отношеній. Но такъ какъ эти люди могутъ развиваться только въ сопрікосновеніи съ друзьями, а не отдѣльно, то личность не принадлежитъ уже только себѣ, но все, что проявляетъ изъ своей духовной

жизни одинъ, уже перечувствовано внутренно и остальными. И вдругъ они дѣлаютъ открытіе, что среди нихъ и надъ ними царитъ какой-то законъ; когда они думали, что сообрались ради новой техники живописи, незаметно выросло общее единообразное отношеніе къ важнѣйшимъ вопросамъ и, не сговариваясь, всѣ они одинаково думаютъ о дозволенномъ и запретномъ, о правахъ и обязанностяхъ, наконецъ, даже о смыслѣ человѣческихъ дѣяній и страданій. Тѣмъ не менѣе, мы не должны забывать, что въ то время, когда въ такихъ случайныхъ группахъ произвольно возникъ этотъ подъемъ духа, этотъ пафосъ, учрежденія, созданныя человѣчествомъ, именно для того, чтобы поддерживать необходимый для жизненнаго строя пафосъ, понемногу измѣнили этому своему назначенію. Смыслъ всякаго культа заключается въ томъ, чтобы дать людямъ спокойное единообразіе въ рѣшеніи жизненныхъ проблемъ. Та-же идея заложена и въ государствѣ. Отъ церкви и государства мы требуемъ определенности въ отвѣтѣ на нашъ вопросъ о томъ, что мы должны и что намъ дозволено. Въ настоящее время ни церковь, ни государство не даютъ намъ этого. Зачастую католикъ скорѣе сойдется съ протестантомъ, или нѣмецъ съ французомъ во взглядахъ на общественные вопросы, чѣмъ единовѣрцы и соотечественники. Нравы не дѣлаютъ ужь теперь Европу по вѣроисповѣданіямъ или народностямъ: между и надъ этими дѣленіями образовались новыя общественныя отношенія, которыя пока еще невидимы. Сдѣлать ихъ видимыми, найти и внѣшнюю форму этого новаго направленія умовъ это, быть можетъ, составитъ содержаніе всего наступившаго столѣтія.

Мы всѣ застряли во внѣшнихъ отношеніяхъ, съ которыми мы не чувствуемъ никакой внутренней связи. У насъ есть внутреннія отношенія, которыхъ мы не можемъ признать открыто, мы говоримъ „ты“ и называемъ братомъ господина, который совершенно чуждъ нашей душѣ. Но мы разлучены съ нашимъ духовнымъ братомъ и не имѣемъ права его касаться. Мы живемъ во внѣшней лжи и должны утаивать нашу внутреннюю

правду. Подобное произошло у грековъ, когда мудрецы и художники, „лучшіе люди“, отстранились отъ своего государства и замолкли. „Доблестные, говорить Эврипидъ въ Іонѣ, которые были сильны своею мудростью, замолкли нынѣ“. Благодаря этому — погибли Аѣины. Мы видимъ то-же въ мелкихъ итальянскихъ государствахъ время возрожденія передъ ихъ упадкомъ. *Ritrarsi dallo stato et ritornare a sè medesimo, alienarsi intutto dalla republica* становится модой интеллигенціи и государства падаютъ.

Но мы ушли дальше этихъ греческихъ и итальянскихъ мудрецовъ, такъ какъ мы, кромѣ ихъ страстнаго желанія освободиться отъ устарѣвшихъ и негодныхъ связей, ощущаемъ въ себѣ готовность создать вмѣсто нихъ новыя и способны это сдѣлать, такъ какъ таковыя уже незримо существуютъ и нуждаются лишь въ воплощеніи.

Въ этихъ сжатыхъ словахъ я высказалъ мотивы, которые, думается мнѣ, объясняютъ возникновеніе всякихъ „колоній“ (колоніи художниковъ, новыя общины, этические союзы*), о которыхъ теперь такъ много приходится слышать. Онѣ являются признакомъ того, что крупныя общественныя учрежденія, которыя окружаютъ европейца, его болѣе не удовлетворяютъ. Это попытки поставить на ихъ мѣсто новый жизненный строй, на устояхъ новой, внутренней правды. Онѣ примыкаютъ при этомъ къ нашимъ національнымъ традиціямъ. Онѣ совершенствуютъ тѣ мелкія группы и кружки, которые оберегли начала нѣмецкой культуры и желаютъ лишь одного: итти сознательно и преднамѣренно тамъ, гдѣ прежде шли безотчетно, оцупью.

Германнъ Баръ.

ВЫСТАВКИ ВЪ ГЕРМАНИИ.

I.

Дармштадтъ.

„Ein Dokument Deutscher Kunst“—претенціозное названіе, которое, надо думать, въ

*) Объ одномъ изъ нихъ „Новомъ Общеніи“ братьевъ Гартъ, см. Міръ Иск. 1900, № 17—18. „Письма изъ Берлина“.

Ред.